

водных районов Заволжья [7, с. 44–50]. Продвижение небольших групп полтавкинцев в Волго-Донское междуречье, по-видимому, происходило постоянно, так как здесь исследовано достаточно большое количество как ранних, так и поздних полтавкинских памятников [7, с. 44–50; 12, с. 157]. Причем эти группы могли какое-то время существовать изолированно от местного катакомбного населения, о чем свидетельствуют погребения без каких-либо следов катакомбного влияния, например, погребения из курганов у хут. Варламов и пос. Челюскинец. Однако большинство полтавкинских памятников Волго-Донского междуречья носит синкретический характер, отражающий процесс постепенного растворения полтавкинцев в среде катакомбного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Качалова Н. К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
2. Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г. Новые данные о восточных связях полтавкинских племен // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
3. Васильев Ц. Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.
4. Васильев И. Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
5. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. 1975.
6. Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60.
7. Мамонтов В. И. Новые памятники полтавкинской культуры Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
8. Мерперт Н. Я. Раскопки в Нижнем Поволжье. Киев: Наук. думка, 1967.
9. Мамонтов В. И. Курганный могильник Колпачки // СА. 1971. № 1.
10. Шилов В. П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху неолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1.
11. Колесник В. П., Лукашов А. В., Мамонтов В. И., Скрипкин А. С. Раскопки в Волгоградском Заволжье // АО — 1976. М., 1977.
12. Мамонтов В. И. Погребения из курганов у пос. Мариновки Волгоградской области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.

Г. Ф. ЧЕБОТАРЕНКО, Т. А. ЩЕРБАКОВА, М. Б. ЩУКИН

ДВА ПРЕДМЕТА РИМСКОЙ ЭПОХИ ИЗ МОЛДАВИИ

В 1961 г., во время раскопок городища Калфа [1] в Ново-Аненском районе Молдавской ССР, в 11 км к северу от Бендер, одним из авторов была случайно найдена на пашне хорошо сохранившаяся массивная литая бронзовая фибула необычной для Молдавии формы. Фибула ранне-латенской конструкции сохранилась почти полностью (длина — 13 см), за исключением отогнутого вверх свободного конца ножки (рис. 1). «Гусеничная» спинка украшена пятью полукольцевыми утолщениями от 1,2 до 2,4 см в диаметре. Среднее полукольцо дополнительно орнаментировано тремя шариками, опоясанными спиралью, имитирующей зерненую проволоку. Орнаментика такого рода характерна для кельтских изделий вальдальгесхаймского и пластического стилей [2, рис. 124, 175, 176]. Длинный приемник украшен в нижней части тремя расходящимися веером бороздками. Такой же орнамент на переходе от приемника к дужке. Пружина фибулы, шестивитковая с верхней тетивой, сохранила эластичность. Застежка изготовлена из великолепной бронзы, покрыта красивой темно-зеленой патиной.

Городище Калфа многослойное. Кроме основного славянского слоя VIII—X вв. здесь прослежены напластования предшествующих эпох — средней и поздней бронзы, гальштата, римского времени. Есть на городище и гетский слой, которому хронологически могла бы соответствовать

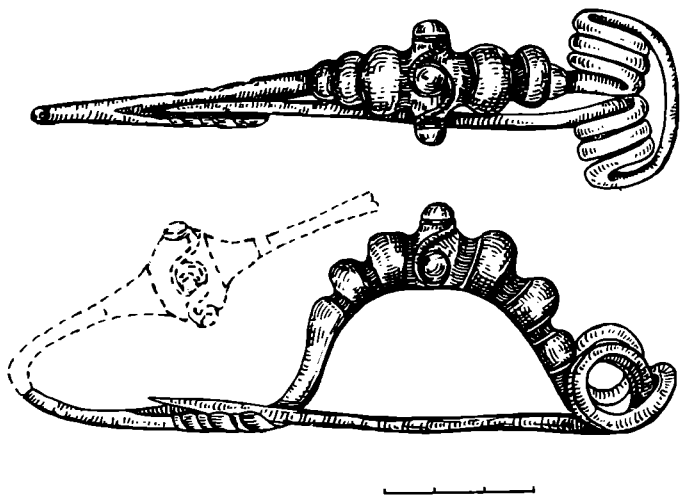

Рис. 1. Кельтская фибула с городища Калфа

описанная фибула, однако непосредственная связь ее с гетскими комплексами не прослежена.

Находка с Калфы имеет прямые аналогии в кельтском мире: в погр. 60 могильника Карамбурма в Югославии [3, табл. XXI, 6] и в погр. 5 могильника Небойса в Словакии [4, табл. III, 9]. В обоих случаях застежки, аналогичные молдавской, найдены в комплексах с другими фибулами, браслетами, керамикой. В Карамбурме это две духцовские фибулы и фибула с шаром на ножке, в Небойсе — две духцовские, железная среднелатенская с шариками на дужке и обломки фибулы с восьмерковидными спиралями. Оба комплекса дают сочетание элементов, характерных для периодов B_2 и C_1 латенской хронологической системы. И. Тодорович отнес погр. 60 в Карамбурме к ранней фазе третьего, основного периода развития могильника [3, с. 86] и датировал этот период между 280 и 85 гг. до н. э. Границу между ранней и поздней фазами его точно установить не удается, и исследователь условно проводит ее ок. 200 г. до н. э.

Весь небольшой могильник Небойса (открыто всего 10 погребений) Б. Хроповский относит к рубежу II—I вв. до н. э. Получается, что два очень близких по набору вещей комплекса датируются со столетним разрывом между ними. С нашей точки зрения железная фибула из погр. 10, которую автор почему-то считает позднелатенской, судя по приведенной им фотографии, скорее является модификацией среднелатенских фибул варианта А, по Ю. Костшевскому [4, табл. I, 12; 5, рис. 1], и относится к ступени C_1 . В таком случае она не выпадает из всего комплекса погр. 10 и могильника в целом. Далее, Б. Хроповский опирался на хронологическую схему Я. Филипа [6], имеющую общую тенденцию к завышению дат [7, с. 22; 8, с. 58]. В последние годы в европейской археологической литературе происходит постепенный процесс пересмотра многих датировок Я. Филипа. В этот процесс вовлечены и некоторые советские исследователи [9]. С другой стороны, А. М. Обломский считает необходимым вернуться в определении хронологии латенских фибул на нашей территории к прежней схеме Филипа — Хахманна [10]. Поскольку дискуссия возникла, мы вынуждены определить и свою позицию в ней — от этого зависит датировка рассматриваемой нами фибулы.

Хотя и во вновь складывающейся схеме граница между B_2 и C_1 не очень определена и в этом отношении А. М. Обломский прав, полностью принять его позицию мы не можем. По К. Годловскому, переход от одного периода к другому произошел где-то во второй половине III в. до н. э. [7, с. 39, 45]. Строго говоря, мы имеем всего два репера для абсолютной датировки: если ножные браслеты из пустых полусфер, найденные в колодце на Истме, действительно, попали туда во время похода кельтов на Дельфы в 279 г. до н. э. [11], то это было время расцвета

стиля V_2 ; если оружие кельтов-галатов, изображенное на рельефах храма Афины Никофоры в Пергаме [12], созданных ок. 180 г. до н. э., — уже периода C_1 [7, с. 39], то где-то в этом промежутке лежит граница между V_2 и C_1 . Никаких других данных в руках исследователей пока нет. Но их не было и у Я. Филипа, и Р. Хахманна. Если бы А. М. Обломский столь же старательно попытался докопаться до оснований их хронологических схем, как это сделано им для работ последних лет, он обнаружил бы шаткость этих оснований. Р. Хахманн синхронизировал изучавшийся им период «позднего предримского времени» в Северной Европе со ступенью латена D. Однако у него не было твердых данных для определения начала «позднего предримского времени», в чем и сам он откровенно признавался [13, с. 255]. Его дата «около 120 г. до н. э.» сугубо интуитивна. К. Годловский привел ряд косвенных, но достаточно логичных аргументов (о большинстве которых А. М. Обломский умолчал) в пользу синхронизации начала латенизированных культур «позднего предримского времени» не с латеном D, а с латеном C_2 и C_1 , — амфорные клейма поянештской и зарубинецкой культур, начало использования кельтского оружия и обычая его помещения в могилу носителями пшеворской культуры и др. [7, с. 115, 116]. В конечном итоге вопрос упирается в определение хронологии самых ранних среднелатенских фибул варианта А. Здесь позицию К. Годловского тоже можно усилить. Эти фибулы найдены в районе Болоньи, в могильниках III в. до н. э., типа Марцаботто, связываемых с кельтами-бойями [14—16], которые в 192 г. до н. э. были вынуждены покинуть Италию и переселиться в Центральную Европу. Именно в материалах этих могильников можно видеть зарождение ставшего затем общеевропейским стиля C_1 . С какого момента этот стиль стал общеевропейским? Х. Поленц, изучая хронологию кельтских могильников междуречья Рейна и Майна [17], отнес рубеж между латеном V_2 и C_1 ко времени ок. 225 г. до н. э., хотя исходил он лишь из косвенных данных — из наблюдаемого им приблизительно 75-летнего ритма развития культуры кельтов в этом регионе. В основном интуитивны или основаны на сугубо косвенных данных и все другие определения границы между латеном V_2 и C_1 как в Центральной, так и Южной Европе [18—22].

Последнюю детальную разработку относительной хронологии интересующего нас периода предложил И. Буйна [23]. На основании комбинаторики вещей в кельтских комплексах Карпатской котловины ему удалось показать разделение ступеней V_2 и C_1 на две подфазы каждая — V_{2a} , V_{2b} , C_{1a} и C_{1b} — и выделить еще переходную фазу V_2/C_1 . Оба фигурировавшие у нас комплекса — погр. 60 в Карамбурме и погр. 5 в Небойсе — попали у него в фазу V_{2a} . Если для первого это вполне реально, с оговоркой, что захоронение в Карамбурме было совершено в конце фазы V_{2a} или на рубеже V_{2a} и V_{2b} , то для второго вряд ли справедливо. Наличие в погр. 5 в Небойсе среднелатенской фибулы с шариками на дужке и обломка фибулы с восьмерками не позволяет относить этот комплекс к более раннему периоду, чем V_2/C_1 , если только не произошло механического смешения двух разновременных погребений. Пластический стиль, в котором выполнены фибулы из Небойсы и Калфы в фазе V_2/C_1 , продолжал еще существовать, в частности на браслетах [23, рис. 4, 26]. Уточнения, которые сделал И. Буйна для относительной хронологии, не дают, однако, новых данных для хронологии абсолютной. Вопрос по-прежнему остается открытым. Естественно, процесс перехода от одной стадии к другой был, вероятно, не одноразовым и одновременным, а варьировал для различных территорий в той или иной степени. Однако более подробное рассмотрение этой проблемы сейчас не входит в нашу задачу.

Где-то в конце III или начале II в. до н. э., по свидетельству декрета Протогена, кельты-галаты в союзе с германцами-скирами угрожали Ольвии [24—26]. Земли Великой Скифии, опустошенные незадолго перед тем сарматами [27], могли представлять для них определеннный интерес. Уже неоднократно отмечались отдельные находки вещей латенской куль-

туры в Северном Причерноморье [28–31], ставились они в связь и с извещениями декрета Протогена [30, 31]. Еще одно звено в цепи этих находок — фибула из Калфы. Вещь, безусловно, кельтская, выполненная еще в стиле периода В₂, но находящая аналогии в комплексах рубежа В₂ и С₁, по времени совпадающих с декретом Протогена. Впрочем, диапазон существования раннелатенских фибул и пластического стиля не исключает возможности попадания калфинской фибулы в Молдавию и в более раннее время — во время восточной экспансии кельтов-галатов в 70–80-е годы III в. до н. э.

«Галатский эпизод» в истории Северного Причерноморья не был, по всей вероятности, очень продолжительным, обосноваться кельтам на землях Скифии надолго не удалось. Пока известны лишь два собственно кельтских памятника: поселение Бовшев на Днестре [32] и погребение у с. Залесье в устье Припяти [27; 30]. Остальное — случайные находки, всего ок. 36 пунктов [31]. Но и 70-летнее пребывание во Фракии нашло археологическое выражение лишь в 12 случайных находках и 1 погребении [31, с. 70–74], если не принимать в расчет культуру Падея-Панагюриштска Колония в Северо-Западной Болгарии, связываемую с племенами скордисков, имевших другую судьбу [31].

Вскоре после проникновения кельтских группировок в Причерноморье здесь образовались две новые культуры, относящиеся к кругу латенизированных культур Северной Европы: зарубинецкая и Поянешты-Лукашевка. При определении абсолютного возраста зарубинецких, поянешты-лукашевских и родственных им памятников необходимо ныне учитывать происходящие в последние годы изменения в европейской хронологической системе Латена и позднего предримского времени. В противном случае возможно некоторое завышение датировок. Так, в частности, произошло с поселением Горошева на Днестре [33]. По найденным здесь обломкам сапропелитовых браслетов С. П. Пачкова, опираясь на работы чешских исследователей 1950-х годов, отнесла начальную дату поселения ко второй половине II в. до н. э. Как видно из корреляционных таблиц, которые составил И. Буйна [23, рис. 2; 4, 20], в Карпатской котловине сапропелитовые браслеты характерны в основном для фаз В_{1b} и В₂/С₁, а с появлением в фазе С_{1b} стеклянных браслетов выходят из моды. Вместе они встречены лишь 1 раз. Поселение Горошева возникло скорее всего еще в первой половине II в. до н. э., а может быть, и несколько раньше — в конце III в. до н. э. Поселение несколько предшествует во времени зарубинецкой и поянештской культурам.

Вторая интересная находка была сделана в Молдавии в 1981 г. В пойме р. Ялпуг около пос. Светлый Тараклийского р-на МССР было случайно найдено бронзовое навершие с двумя лировидными петлями по сторонам, оформленное в виде бюста молодого мужчины (рис. 2). Навершие было передано Т. А. Щербаковой, проводившей в Светлом раскопки поселения римского времени. Обследование места находки не дало резуль-

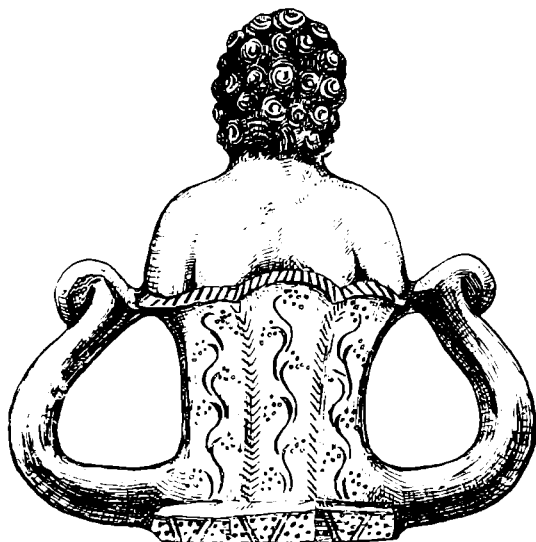

Рис. 2. Бронзовая деталь колесницы (прорисовка)

Навершие представляет собой восьмигранную втулку, увенчанную обнаженным бюстом мужчины с курчавыми волосами, аккуратно уложенными буглями по форме головы. У него молодое, безбородое, несколько

одутловатое лицо с прямым носом, выпуклыми глазами, припухлыми губами, толстая шея. От втулки отходят в стороны две лировидные изогнутые петли, украшенные стилизованными головками змей или лебедей с клювами, прижатые к шее. Высота навершия — 13, а диаметр втулки — 4×4,5 см. Грани втулки украшены тонко гравированным орнаментом в виде виноградной лозы.

Определение функционального назначения описанного предмета не вызывает особых затруднений. Это бронзовая деталь колесницы, так называемый вождедержатель («passe-guides», «Zügelhalter»), хотя название это условно, так как в действительности эти детали предназначены совсем для других целей. Приведем несколько примеров аналогичных наверший, хорошо известных в специальной литературе. Последняя сводка всех колесниц римского времени была издана в 1980 г. в связи с публикацией находок из Марокко [34]. Стилистически и конструктивно ближе всего ялпугскому экземпляру навершие, найденное во Франции, около Алезии — известного кельтского оппидума и галло-римского поселения [1; 35, с. 201]. На нем тоже бюст молодого мужчины, полуобнаженного, с несколько одутловатым женственным лицом — персонаж из дионисийского цикла. Две лировидно изогнутые петли завершаются розетками. Восьмигранная втулка — с лепестками в верхней части, из которых и «прорастает» фигурка.

Навершие в виде статуэток Бахуса и Меркурия с боковыми крючками в виде согнутых пальцев на первом и круглыми петлями на втором хранятся в музеях Италии [36, рис. 27, 28]. Близкая конструктивно деталь колесницы с фигуркой Леды и двумя крючками в виде лебединых головок найдена вместе с другими частями колесницы в Могилово в Болгарии [37]. Такие же по функциональному назначению бронзовые детали колесниц, но оформленные грифонными и змеинными головками, происходят из с. Любимец [38, табл. 30, 107] и Дуковой могилы у с. Пастуша около Пловдива в Болгарии [36, рис. 21, 22, 24; 38, табл. 55А, 190—192]. Из того же некрополя у с. Пастуша, где найдены остатки нескольких повозок, происходят бронзовые навершия иной конструкции (с одной петлей), но стилистически близкие ялпугской находке, тоже с фигурками персонажей донисийского цикла [36, рис. 5, 38, табл. 55, 55А]. Наблюдаются вообще два любопытных скопления находок колесниц римского времени — в Паннонии и Фракии [34].

Назначение всех подобных наверший удалось установить И. Венедикову, специально занимавшемуся реконструкцией фракийских колесниц римского времени: они украшали выступающую над колесами часть шасси повозки [38]. Древние лексографы — афинянин Полукс, живший во II в. н. э., и александрийский автор IV в. Хезихий — называли эту часть «фарой», а навершия, крючки или петли которых служили для закрепления ременных рессор, поддерживающих подвесной кузов, называли «фарондати».

Все перечисленные выше параллели «фарондати» из пос. Светлый датируются позднеримским временем, а стилистически наиболее близкие им относятся к эпохе Северов (193—238 гг.). В частности, характерно для этой эпохи изображение прически ялпугского экземпляра — крутые завитки, плотно прижатые к голове [39, с. 73].

Если наше определение хронологии памятника верно (а решающее слово будет принадлежать специалистам по истории римского искусства), то находка из Светлого — одна из очень немногих, отражающих сложную и плохо представленную археологическими памятниками эпоху накануне образования черняховской культуры.

Обе молдавские находки, столь далекие друг от друга хронологически, потому и объединены нами в одной заметке, что являются они памятниками эпох «промежуточных», переходных, археологически почти «пустых», периодов дестабилизации, когда разрушались прежние культурные единства и складывались новые.

Есть между ними и еще один объединяющий момент — их соприкосновение с культурой кельтов. Первая — просто-напросто произведение

кельтского прикладного искусства, вторая относится к эпохе, когда независимых кельтских племен уже не существовало, но кельтский вклад в провинциально-римскую культуру достаточно заметен. Высказывалось мнение [40], правда оспариваемое [8, с. 103—105], что кельтам принадлежала и идея подвесного кузова колесниц. Эпоха Северов (рубеж II—III вв.— начало «кельтского ренессанса») — явление, ощутимое и в черняховской культуре [41; 42]. В этом отношении ялпугская находка может представлять особой интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеботаренко Г. Ф. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев: Штиинца, 1973.
2. Megaw J. V. Art of the European Iron Age. Bath, 1970.
3. Todorović J. Praistorijska Karamburma. Beograd, 1972.
4. Chopovský B. Laténske pohrebisko v Nebojsi okr. Galanta // Slovenská archeológia. 1958. R. VI, č. 2.
5. Kozłowski J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit // Mannus-Bibliothek. № 18. Leipzig — Würzburg, 1919.
6. Filip J. Keltové ve Střední Evropě. Praha, 1956.
7. Godłowski K. Okres lateński w Europie // Archeologia pierwotna i wczesnosredniowieczna. Część IV. Krakow: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1977.
8. Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2.
9. Каспарова К. В. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1981.
10. Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № 1.
11. Krämer W. Keltische Hohlbüchelringe von Istmus von Korinth // Germania. 1961. B. 39.
12. Polenz H. Gedanken zu einer Fibel von Mittelatenschema aus Kayseri in Anatolien // Bonner Jahrbuch. 1978. B. 178.
13. Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung in nördlichen Mitteleuropa und in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1960. 41. Frankfurt a. M., 1961.
14. Kruta-Poppi L. Les Celtes à Marzabotto (Province de Bologne) Etudes Celtiques, 1975.
15. Kruta-Poppi L. La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) et le faciès Boien du IIIe siècle avant notre ère Etudes Celtiques, 1979.
16. Kruta V. Les Boiens de Cispadane essai de paléoethnologie celtique Etudes Celtiques, 1980.
17. Polenz H. Mittel- und spätlatenzeitlichen Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main Studien und Forschungen. Neue Folge, Ht. 4. Langen, 1971.
18. Hodson F. R. The La Céne Cemetery at Münsingen-Rain Acta Bernensia. V. Bern, 1968.
19. Zirra V. Beiträge zur Kenntnis des Keltischen Latène in Rumänien Dacia, 1971, t. XV.
20. Čižmař M. Relativní chronologie keltských pohřebišti na Moravě Památky archeologické, 1975, R. LXVI.
21. Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc., 1970.
22. Majnarič-Pandžič N. Keltsko-laténska kultura u Slavoniji i Srijmi Acta Musei Cibalensis, t. 2. Vinkovci, 1970.
23. Bijna J. Spiegelung der Sozialstruktur auf Latènezeitlichen Gräberfeldern in Karpatenbecken Památky archeologické. 1982, R. LXXIII, № 2.
24. Latyshev B. Inscriptions antiquae orae septentrionalis Ponti Euxine. V. I. 2 ed. Petropoli, 1986.
25. Книпович Т. Н. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена ВДИ, 1966, 2.
26. Карышковский П. И. До питання про дату ольвийського декрета.— Археологія, 1968, т. 21.
27. Мачинский Д. А. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов // КСИА. 1973. Вып. 133.
28. Rosen-Przeworska J. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski // Swiatowit, 1946—1947, XIX.
29. Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1.
30. Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. Вып. 15.
31. Woźniak Z. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław, 1974.
32. Крушельницкая Л. И. Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье // КСИА. 1955. Вып. 105.
33. Пачкова С. П. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горшова Тернопольской области // Археологические памятники Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1983.

34. *Boube-Piccot Ch.* Les bronzes antiques du Maroc. Pt III. Les chars et l'attelage // Etude e traveeaux d'archeologie Marocaine. V. VIII. Rabat, 1980.
35. *Le Gall J.* Alésia. Archéologie et Histoire. Nouvelle édition revue et augmentée. Fayard, 1980.
36. *Mercklin E.* Wagenschmuck aus de römischen Kaiserzeit // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. B. 48. B., 1933.
37. *Дякович Б.* Тракийската колесница при с. Могилово // ГПНБ. 1923.
38. *Венедиков И.* Тракийската колесница. София, 1960.
39. *Бригова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Римский скульптурный портрет. М.: Искусство, 1975.
40. *Alföldi A.* Chars funéraires Bacchiques dans les provinces occidentales de l'empire romain // L'Antiquité classique. VIII. Bruxelles, 1939.
41. *Шукин М. Б.* Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы) // — КСИА. 1973. Вып. 133.
42. *Шукин М. Б.* Кельтский ренессанс и кризис Римской империи (предварительные замечания) // —Краткие тезисы докл. к науч. конф. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973.

В. М. ЗУБАРЬ, А. И. КУБЫШЕВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В 1978—1979 гг. Херсонская экспедиция Института археологии АН УССР проводила исследование курганного могильника «Рядовые могилы» у сел Шевченковка и Золотая Балка Нововоронцовского р-на Херсонской обл. Курганная группа расположена на водоразделе в 5 км к западу от современного села Золотая Балка, где в 1950—1960-е годы исследовались городище и могильник позднескифского времени [1, 2]. Среди большого количества погребальных комплексов эпохи бронзы и скифского времени особого внимания заслуживают два впускных погребения в курганы 7 и 21 эпохи бронзы.

Погребения совершены по обряду трупосожжения. В кургане 21, на расстоянии 3 м к югу от центра, зафиксировано впущенное в насыпь погребение, совершенное в прямоугольном каменном ящике. Ящик высотой 0,6 м был впущен на глубину 2 м, ориентирован по линии восток — запад, сложен из 12 вертикально поставленных плоских известняковых плит. Южная стенка ящика состояла из пяти, северная — из четырех плит; торцевые стенки, восточная и западная, — соответственно из одной и двух плит. Щели между отдельными плитами закрыты дополнительными вставками из мелких плоских известняковых камней. Ящик в древности был перекрыт небольшими известняковыми плитками, положенными на деревянные плахи, заходившие за торцевые стенки ящика. В процессе расчистки заполнения ящика зафиксировано значительное количество остатков этих перегнивших плах шириной 8 и толщиной 1,5—2 см, лежавших под плоскими плитами перекрытия (рис. 1, 1).

В юго-западном углу на полу ящика стояла краснолаковая чаша, в которой обнаружены кость крупного животного и фрагмент железного ножа плохой сохранности. Рядом с чашей лежали 49 железных сильно коррозированных трехлопастных наконечников стрел. Очевидно, они представляли собой остатки колчана, положенного в могилу (рис. 1, в). На земляном полу прослежено небольшое количество древесных угольков, кальцинированных человеческих костей и костей животных. В восточной части ящика зафиксирован кальцинированный фрагмент черепа (рис. 1, а).

Краснолаковая чаша — с вертикальными, чуть скошенными внутрь стенками на кольцевом, хорошо профилированном поддоне. Две горизонтально расположенные ручки прижаты средней частью к стенкам сосуда, украшенным прочерченным по поверхности геометрическим и, вероятно, растительным орнаментом. Лак темно-красный, хорошего качества (рис. 1, 3). Чаши такого типа, являясь переходной формой от канфара эпохи эллинизма к мискам первых веков, были сравнительно широко